

Юго-западные рубежи славились своей крутизной и суровостью: острые хребты уходили в небо, а между ними змеились бурные реки и глубокие озера.

Где-то там, среди отвесных круч и скрытых туманом ущелий, находилось прибежище, одно упоминание которого заставляло праведные кланы содрогаться от страха. В народе его именовали Демоническим культом, хотя у него было и вполне благообразное официальное название — Божественное учение Кшитигарбхи.

Много лет назад учение раскололось на девять ветвей. После того как прежний Глава учения пал от рук поборников справедливости, оставив посмертное завещание, единого Главы учения выбирать не стали. Культ разделился: приверженцы расселились по разным долинам, во главе каждой из которых встал свой Хозяин. Именно эти девять человек и вершили теперь все дела секты.

Семь лет назад именно на глазах у Цинь Чжэна юный Вэнь Тинъюнь бросился вниз с Утёса Обрыва Воды.

Цинь Чжэн собственноручно доставил его сюда, однако тайну входа и выхода посторонним не доверяли. Вэнь Тинъюнь тогда промолчал о том, что среди восьмидесяти одного подводного грота лишь один вел в долину, и он прекрасно знал, какой именно.

Умолчал он тогда и о своем происхождении. В свое время Хозяин третьей долины повел людей на Зал Высочайшей Справедливости — то была давняя кровная вражда двух орденов. Однако праведники тайно призвали на помощь старейшин великих сект. Третий господин попал в засаду и, будучи зажат превосходящими силами, пал в бою. Его тяжелораненая супруга попыталась спастись бегством вместе с маленьким сыном, но настигавшие враги зажали их в кольцо. Цинь Чжэн, пожалев ребенка, скрытно увел его подальше от преследователей. Несчастливая женщина успела лишь вверить сына его заботам перед тем, как испустила последний вздох.

Тем спасенным ребенком и был Вэнь Тинъюнь.

С тех пор минуло семь лет, и мир изменился. Су Дань, знавший лишь обрывки этой истории, вовсе не считал, что за спасение жизни нужно платить безграничной преданностью — особенно если спаситель принадлежит к враждебному лагерю. Внимательно следя за выражением лица молодого хозяина, он негромко проговорил:

— В те годы он помог тебе лишь из жалости к незащитной сироте и его умирающей матери. Эти праведники обожают хвастаться своим великодушием и никогда не упускают случая показать, что не обижают слабых. Но что теперь? Когда этот человек очнется и поймет, что спасенный им некогда малец вырос, стал Хозяином девятой долины и теперь держит в узде половину цзянху... пощадит ли он тебя? Если тогда он не вырвал сорняк с корнем, кто гарантирует, что он не захочет сделать это сейчас?

Видя, что Вэнь Тинъюнь молчит, Су Дань продолжил:

— Пусть он сейчас и лишился сил, но если он воспользуется твоей привязанностью и тайно призовет своих дружков, чтобы устроить засаду? Старейшины Срединной равнины спят и видят, как бы сокрушить мощь наших девяти долин. Ты же сам себе могилу выкопаешь!

— Он так не поступит, — уверенно отозвался Вэнь Тинъюнь.

Су Дань презрительно хмыкнул:

— Ты не можешь знать наверняка. Для него то спасение было лишь минутным порывом, делом пустяковым. И только ты до сих пор носишься с этим долгом, как с величайшей драгоценностью.

Вэнь Тинъюнь коротко усмехнулся:

— А ты хоть знаешь, кто он такой?

Лекарь пренебрежительно поморщился:

— Слышал краем уха. Какой-то Чэнь Дацзюнь.

Вэнь Тинъюнь едва заметно улыбнулся:

— Его настоящее имя — Цинь Чжэн. Он старший ученик Вэй Бинцина, главы виллы Обширных Холодов. В свое время его виртуозное мастерство владения мечом гремело на всю Поднебесную.

Су Дань резко переменялся в лице. Какое еще «виртуозное мастерство»? Да ведь это тот самый неблагодарный выродок, чье имя поливают грязью на каждом углу! Даже старик Су, годами не вылезавший из своей лаборатории и презиравший мирские слухи, краем уха слышал о чудовищных бесчинствах этого человека. Этот негодник Вэнь Тинъюнь совсем страх потерял, как только уселся в кресло Хозяина долины. Пусть их орден и клеймят демоническим, они не должны тащить к себе всякое отребье! Приветить такого мерзавца — значит навсегда запятнать собственную репутацию.

На лице лекаря проступило глубокое отвращение:

— Так это он... Ты хорошо подумал? Людская молва о нем...

— Чушь собачья эта твоя молва, — бесцеремонно оборвал его Вэнь Тинъюнь. — Раз уж он попал

ко мне, никто не посмеет посягнуть на его жизнь. К тому же я у него в долгу. И я верну этот долг, хочет он того или нет. Даже умереть ему не позволю. Ты ведь у нас Демонический лекарь с золотыми руками, старый Хозяин долины Су, обязательно что-нибудь придумаешь, верно?

«Раз уж ты так заговорил, разве я посмею отказаться?» — подумал Су Дань и обреченно закивал. Поняв, что спорить бесполезно, он вздохнул и принялся доставать свои излюбленные инструменты, готовясь провести тщательный осмотр.

Зажав в пальцах длинную серебряную иглу, лекарь склонился над лежащим без чувств Цинь Чжэном, принялся, проверяя действие сонного зелья, и скомандовал:

— Распахни ему ворот, Хозяин долины. Мне нужно ставить иглы.

Вэнь Тинъюнь заколебался:

— Закрой глаза. И не смей открывать.

Су Дань опешил от такой нелепой причуды:

— Это еще почему? Как я, по-твоему, колоть буду вслепую? Промажусь на пол-цуня — и ты же мне башку снесешь.

Но Вэнь Тинъюнь, охваченный каким-то странным упрямством, бесцеремонно вырвал иглу из его пальцев:

— Я сделаю это сам. Отворачивайся.

— Подумаешь, невидаль, оба мужчины, — проворчал Су Дань, швырнул ему остальной кожаный свиток с набором игл и послушно повернулся спиной. — Начинай: чжэньгу, цзюэинь, хуагай, хэйху-таосинь, цзюйцюэ. Вводи перпендикулярно.

Вэнь Тинъюнь послушно следовал указаниям. Эти точки относились к разряду смертельных, так что малейшая оплошность могла стать роковой. Будь на месте Вэнь Тинъюня кто-то другой, Су Дань ни за что не доверил бы свои иглы постороннему, ведь одно неверное движение — и пациент мгновенно испустит дух. Но молодой господин учился врачеванию у него лично и владел пальцами с ювелирной точностью.

Тонкие серебряные нити легко и безболезненно входили под кожу.

— Готово, — негромко произнес Вэнь Тинъюнь.

— Теперь симметрично по обе стороны, в точки иньчуань, — скомандовал старик.

Прошло несколько долгих мгновений, но ответа не последовало. Решив, что юноша отвлекся, Су Дань напомнил:

— Ну что там? Закончил?

— Нет еще, — с легким замешательством отозвался Вэнь Тинъюнь.

Лекарь начал терять терпение:

— Они же прямо на груди! Ты их найти не можешь или умудрился промахнуться?

Промахнуться он, конечно, не мог, да и с определением меридианов проблем никогда не испытывал. Просто когда Вэнь Тинъюнь раздвинул края тонкого одеяния Цинь Чжэна, взгляд его наткнулся на нечто такое, отчего рука его невольно дрогнула, а пальцы словно окаменели.

Ему вдруг стало совестно. Оправдание «я же его лечу» казалось теперь на редкость фальшивым. Ведь это он сам подсыпал ему дурмана, сам сорвал одежду и теперь бесстыдно разглядывал обнаженное тело, не в силах отвести взор. И ладно бы просто смотрел — так ведь нужно еще и коснуться, ввести иглы. Разве это не подлейшее святотатство?

Су Дань отчаянно боролся с искушением оглянуться и посмотреть, что за глупая заминка там произошла, но рисковать собственной шеей не хотелось. Вспомнив, с какой непривычной нежностью и трепетом молодой Хозяин долины смотрел на раненого мгновением ранее, старик зябко передернул плечами и сухо кашлянул:

— Кхм... Что бы ты там ни увидел, истинный лекарь обязан блюсти чистоту помыслов и не поддаваться искушениям плоти.

—...

Вэнь Тинъюнь сделал глубокий вдох, заставляя утихнуть бешено колотящееся сердце, и аккуратно ввел иглы.

Понимая, что если заставить смущенного юношу спускаться ниже по меридианам, тот окончательно потеряет самообладание, Су Дань решил поберечь его рассудок. Он не стал называть паховые точки, ограничившись точкой фуцзе чуть выше пупка.

Вэнь Тинъюнь замер у постели, выжидая положенное время, пока иглы сделают свое дело.

Су Дань, которому надоело стоять столбом лицом к стене, не удержался от искушения подразнить своего грозного владыку:

— Послушай, Хозяин долины, раз уж мы хотим полной уверенности... Может, проверим еще точки хэкоу и хайди? Ну так, на всякий случай.

Лицо Вэнь Тинъюня мгновенно вспыхнуло пунцовой краской. Су Дань этого видеть не мог, но его чуткое ухо уловило характерный шорох — юноша в замешательстве переступил с ноги на ногу.

Точки хэкоу и хайди располагались у самого основания бедер, у копчика. Чтобы добраться до них, бедолагу пришлось бы раздеть догола!

— Старый пошляк! — процедил сквозь зубы Вэнь Тинъюнь.

Су Дань тихонько захихикал, прикрыв рот ладонью. Видеть, как безжалостный молодой тиран заливается краской, словно девица на выданье, было истинным удовольствием.

Когда положенный срок истек, Вэнь Тинъюнь одну за другой извлек серебряные иглы, бережно уложил их в чехол и поправил на Цинь Чжэне одежду, тщательно запахнув воротник.

— Иглы проверь самым тщательным образом, — негромко приказал Вэнь Тинъюнь. — Ищи противоядие. И помни: о его настоящем имени никто не должен знать. Ступай.

Су Дань бережно забрал свиток и удалился. Оставшись в комнате один, Вэнь Тинъюнь достал из-за пазухи крошечный нефритовый флакончик и поднес его к носу Цинь Чжэна.

Спустя мгновение мужчина, чья голова все еще покоилась на коленях юноши, слабо пошевелился. Он сонно забормотал, жмурясь от резкого света:

— Ну и хмельное... До чего же забористое вино. Ощущение такое, будто по мне стадо буйволов пробежалось.

Вэнь Тинъюнь с трудом подавил смешок. Склонившись ниже, он мягко спросил:

— Сильно болит?

Цинь Чжэн открыл глаза и только тут осознал, на чьих коленях устроил себе подушку. Он резко сел, но от резкого движения их лбы со стуком соприкоснулись, добавив неловкости.

— Ты уж прости, брат Вэнь, — потирая ушибленное место, смущенно пробормотал Цинь Чжэн.

— Видно, привык я спать где придется. Как голова закружилась, так и приткнулся, где помягче было. Не серчай на меня.

Вэнь Тинъюнь тепло улыбнулся:

— Главное, чтобы тебе было удобно.

От этих слов повеяло какой-то двусмысленностью, и Цинь Чжэн окончательно смутился. Они ведь виделись всего второй раз в жизни, а этот парень по фамилии Вэнь проявлял к нему прямо-таки чрезмерную заботу. Подобное радушие невольно рождало смутную тревогу: чего он добивается?

Денег у беглого калеки не водилось, забирать жизнь тот тоже явно не собирался. Тогда ради чего все это? Неужто этот холеный господин польстился на его былую красоту, умудрившись разглядеть ее сквозь пыль и лохмотья сиротского убожества?

Тряхнув головой, чтобы прогнать нелепые мысли, Цинь Чжэн вспомнил их разговор перед тем, как его сморил сон.

— Брат Вэнь, ты ведь обещал открыть мне свое настоящее имя. Теперь-то скажешь?

Вэнь Тинъюнь понимал, что этот вопрос неизбежен, и скрываться больше не собирался:

— Мое имя...

Договорить он не успел. С улицы донесся резкий, пронзительный звон сталкивающейся стали, а следом послышался глухой топот множества ног. Судя по звукам, к храму приближалась целая толпа.

Цинь Чжэн внутренне застонал. Если эти безумные мастера боевых искусств затеют здесь побоище, от его и без того ветхой лачуги не останется камня на камне. И где ему тогда прикажете ночевать?

В отличие от него, Вэнь Тинъюнь и бровью не повел. Его чистый, звучный голос эхом разнесся под сводами:

— Явиться без приглашения — для этого нужна немалая смелость. Что ж, входите!

Цинь Чжэн искоса зыркнул на него, мысленно ворча: «Вообще-то, хозяин тут я».

Тяжелые створки ворот распахнулись. Вооруженные гвардейцы почтительно расступились, и в

проеме показался Цюй Чэнь. Он неторопливо, с ледяным спокойствием шагнул внутрь заброшенного храма.

Цинь Чжэн похолодел от ужаса. Первым его порывом было заползти под лавку и прикинуться ветошью. Но стоило ему сделать робкое движение назад, как Вэнь Тинъюнь — случайно ли, намеренно — наступил на край его засаленного халата. Сколько Цинь Чжэн ни дергался, освободиться ему не удалось.

Цюй Чэнь смерил Вэнь Тинъюня высокомерным взглядом. Заметив лежащую рядом с ним саблю, государственный наставник едва заметно нахмурился, а сам посмотрел еще холоднее. Но когда он перевел взор на Цинь Чжэна, сидевшего в непозволительной близости к этому наглецу, на его безупречном лице промелькнула тень раздражения.

— Собирается гроза, — властно произнес Цюй Чэнь, и его голос зазвучал так, словно возражений он не потерпит в принципе. — Я лишь хочу переждать непогоду в этих стенах. Надеюсь на ваше гостеприимство.

Цинь Чжэн, поняв, что спрятаться не выйдет, уже открыл было рот, чтобы промямлить дежурное согласие, но Вэнь Тинъюнь безжалостно его опередил:

— Нельзя.

Цюй Чэнь прищурился:

— Это еще почему?

Вэнь Тинъюнь вальяжно покачал ногой и демонстративно положил ладонь на эфес сабли:

— Входить без стука — признак дурного тона. У нас так не принято.

Цинь Чжэн едва сдержал глубокий вздох. «Да с каких это пор этот клоповник стал твоим домом?» — мысленно взмолился он. Но воздух между противниками уже искрился от напряжения, и вступать в их молчаливый поединок взглядов было чистейшим самоубийством.

Подавив гнев, Цюй Чэнь холодно заметил:

— Этот храм тебе не принадлежит.

— Верно, не мне, — покладисто согласился Вэнь Тинъюнь и беззастенчиво толкнул Цинь Чжэна локтем в бок. — Он принадлежит ему. А раз так, то и решать здесь мне. Убирайся отсюда, пока я не вышвырнул тебя лично.

Цюй Чэнь презрительно хмыкнул:

— И как же ты собираешься это сделать? Своими силами?

Вэнь Тинъюнь резко вскинул ногу, носком сапога поддев рукоять оружия. Лезвие с чистым, серебристым звоном взмыло в воздух и послушно легло в его ладонь. Упершись острием в земляной пол, юноша дерзко ухмыльнулся:

— Именно. Своими силами!

Цинь Чжэн не успел даже глазом моргнуть, как пространство вокруг него взорвалось безумным вихрем стали. Засвистел воздух, рассекаемый смертоносными ударами; ослепительные вспышки клинков слились в единое сияющее марево. Опасаясь задеть безоружного Цинь Чжэна, оба противника действовали с ювелирной точностью: Цюй Чэнь направлял выпады строго в сторону, а Вэнь Тинъюнь, орудуя своей тяжелой саблей, не позволял широким взмахам приблизиться к незащищенному мужчине. Бойцы словно заперли себя в невидимой тесной клетке, обмениваясь молниеносными атаками на пятачке шириной в несколько шагов.

Толпившиеся снаружи стражники и слуги один за другим проскользнули в храм и пристроились за спиной Цинь Чжэна. Все они прекрасно понимали: рядом с ним сейчас безопаснее всего. Растаскивать разъяренных мастеров никто не решался — да и сил бы ни у кого не хватило. Да и разбери их, бьются ли они насмерть или просто тешат самолюбие шутилой дуэлью. Слугам оставалось лишь стоять, скрестив руки на груди, и с интересом наблюдать за представлением.

А Вэнь Тинъюнь тем временем продолжал распалаться от собственной злости. Его лазутчики доложили, что у ворот Храма Спокойствия и Удачи Цинь Чжэн тепло беседовал с государственным наставником, и тот выказывал ему неподдельное беспокойство. По всему выходило, что эти двое — старые знакомые.

Вэнь Тинъюня эта новость взбесила до глубины души. Значит, ему этот обманщик представился безродным Чэнь Дацзюнем, а перед этим высокомерным павлином сразу раскрыл все карты?

Что же получается, он, Вэнь Тинъюнь, достоин знать только вымышленного Дацзюня?!

Чем дольше он об этом думал, тем сильнее закипала в нем обида. Если бы не смертельная угроза, нависшая над меридианами Цинь Чжэна, он бы еще тогда разыскал этого напыщенного наставника и проучил как следует. А теперь тот сам явился к нему в руки. Упускать такую прекрасную возможность прописать мерзавцу хороших тумачков Хозяин девятой долины точно не собирался!

<http://bllate.org/book/19742/2038264>